

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О.В. ЛУТОВИНОВА
(Волгоград)

**СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ
«ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ»:
ОТ «ЯЗЫКА В ЧЕЛОВЕКЕ»
ДО «ЧЕЛОВЕКА В ЯЗЫКЕ»**

Рассматривается формирование понятия «языковая личность» от первых попыток исследователей осмыслить язык как неотъемлемую часть человека до становления лингвоперсоналогии как отдельной лингвистической дисциплины, направленной на исследование личности в языке. Также анализируются современные подходы к изучению языковой личности как индивидуального, так и типизируемого образования и обсуждается перспективность исследования данного феномена в коммуникативном пространстве Интернета.

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма, языковая личность, лингвоперсоналогия, коммуникативное пространство Интернета.

В гуманитарной парадигме научного знания конца XX в. наметилась тенденция к более полному и комплексному изучению человека, дав толчок развитию различных новых направлений антропологии. Одним из них стало исследование языковой личности, попавшей в центр пристального внимания лингвистов после выхода в 1987 г. книги Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» [15], впоследствии способствовавшее появлению нового направления в лингвистике – лингвоперсоналогии [18].

Антропоцентрический подход к языку возник, однако, не на пустом месте. Его основные принципы были сформулированы еще в первой половине XIX в. В. фон Гумбольдтом, рассматривавшим природу и свойства языка в связи с развитием общества: «...язык развивается только в обществе, и человек понимает себя только тогда, когда на опыте убедит-

ся, что его слова понятны также и другим людям» [10, с. 77]; «... язык следует рассматривать, по моему глубокому убеждению, как непосредственно заложенный в человеке <...>. Язык невозможно было бы придумать, если бы его тип не был бы уже заложен в человеческом рассудке» [Там же, с. 313].

Целью данной статьи является аналитический обзор становления понятия «языковая личность», начиная с первых попыток осмыслить язык как неотъемлемую часть человека, а также выделение основных подходов к исследованию языковой личности на современном этапе развития лингвистики и обозначение возможных перспектив ее дальнейшего изучения.

Идеи В. фон Гумбольдта, которые по праву можно считать первыми предпосылками к возникновению антропоцентрической парадигмы в языкознании, оказали влияние на различные научные направления и на взгляды отдельных ученых, изучавших язык в связи с мышлением говорящего субъекта. Основатель психологического направления в языкознании Г. Штейнталь трактовал язык как продукт общества и выражение самосознания народа: «... совместные действия индивидуума и его народа главным образом основываются на языке, на котором и с помощью которого он думает и который все же принадлежит его народу» [25, с. 135].

Сходная позиция видна также и в работах А. А. Потебни, которого интересовала связь языка с эволюцией человеческого мышления. В работе «Мысль и язык» он писал: «... показать на деле участие слова в образовании последовательного ряда систем, обнимающих отношения личности к природе, есть основная задача истории языка; в общих чертах мы верно поймем значение этого участия, если приняли основное положение, что язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее, что он не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность» [22, с. 151].

Обращение к изучению говорящего человека как противопоставление языку как таковому наблюдается и в работах младограмматиков. Г. Остгоф и К. Бругман, выступая за эм-

пирическое исследование языка в противовес его философскому рассмотрению, заявляли, что «прежнее языкознание подходило к объекту своего исследования – индоевропейским языкам, не составив себе предварительно ясного представления о том, как живет и развивается человеческий язык вообще, какие факторы действуют при речевой деятельности и как совместное действие этих факторов влияет на дальнейшее развитие и преобразование языкового материала. С исключительным рвением исследовали языки, но слишком мало – говорящего человека» [20, с. 187]. Таким образом, объектом исследования младограмматиков являлся говорящий человек, а основными положениями при определении сущности языка выступали психологизм и индивидуализм, обоснованные Г. Паулем в «Принципах истории языка», где он подчеркивал, что «на свете столько же отдельных языков, сколько индивидов» [21, с. 58].

Язык как индивидуальное явление изучался также и И. А. Бодуэном де Куртене, утверждавшим, что «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» [5, с. 71], вследствие чего причину языковых изменений ученый видел в психической деятельности человека.

В работах Д.Н. Овсяникова-Куликовского, затрагивающих изменение значений слов в связи с осмыслением взаимодействия языка и мышления, центральное место отводится индивидуальному языковому субъекту, определяемому ученым как «1) живой человеческий организм с его физиологическими условиями членораздельной речи и соответственными данными нервной системы и мозга; 2) человеческая психика с характерным для нее развитием умственной сферы, к которой и принадлежит язык» [19, с. 68]. Данный языковой субъект представляет собой активного деятеля, обеспечивающего функционирование языка, предстающего как «сложный процесс апперцепции представлений, понятий и других умственных актов грамматическими категориями» [Там же, с. 36].

Принцип антропоцентризма нашел также реализацию в трудах американского исследователя Э. Сепира, считавшего понимание языка путем к пониманию человека, поскольку язык «настолько глубоко коренится во всем человеческом поведении, что остается очень немногое в функциональной стороне

нашей сознательной деятельности, где язык не принимал бы участия» [24, с. 231]. Особенно значимой в антропоцентрическом отношении является статья «Речь как черта личности», в которой ученый описывает, как уникальность отдельной личности отражается в языке. Анализ речи личности Э. Сепир предложил производить с использованием двух различных подходов. «В рамках первого подхода в исследовании проводилось бы различие между индивидом и обществом, поскольку общество выясняется не иначе как через посредство индивида. При втором подходе исследование обращалось бы к различным уровням речи...» [Там же, с. 286]. Иными словами, Э. Сепир предложил рассмотреть используемые личностью языковые средства как на социальном, так и на индивидуальном уровне, включая анализ голоса, голосовой динамики (с учетом интонации, тональности голоса, плавности, ритма и темпа), произношения, выбора лексических единиц и стиля.

Швейцарский языковед Ш. Балли, продолжая развивать идеи Ф. де Соссюра, наряду с этим занимался и разработкой вопросов, связанных с отклонениями индивидуальной речи от языковой нормы коллектива, а также ситуационной обусловленностью выбора языковых средств. В книге «Язык и жизнь» (1913) ученый писал: «Если вы хотите, чтобы кто-нибудь к вам подошел, вы в разных случаях скажете это по-разному; средства выражения будут меняться в зависимости от того, какие отношения связывают вас и человека, к которому вы обращаетесь, и особенно от того, что, по вашему мнению, может последовать в ответ на вашу просьбу» [1, с. 34]. Кроме того, Ш. Балли активно исследовал язык в процессе социального воздействия, выделяя три типа данного воздействия: 1) императивное и нормативное, т. е. то, которое очевидно для адресата воздействия; 2) суггестивное, т. е. внушение, которое незаметно проявляется в указаниях и предложениях; 3) автосуггестивное, т. е. воздействие такого типа, когда адресат воздействия после длительного периода времени перестает замечать источник воздействия, считая, что указания отдает себе сам [Там же, с. 148].

В 20–30-е гг. прошлого века впервые появляется понятие языковой личности. В книге «Родной язык и формирование духа» Й.Л. Вайсгербер, говоря о языке как всеобщем культурном достоянии, отмечал, что «никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности; наоборот, это

языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу» [7, с. 81]. В.В. Виноградов в книге «О языке художественной прозы», рассматривая индивидуальное речетворчество, несколько раз употребил словосочетание «языковая личность» [8, с. 61, 91], хотя так же, как и Й. Л. Вайсгербер, не раскрывал данного понятия.

Хотя упоминания языковой личности оставались в этот период только упоминаниями, а определение этого понятия появилось спустя полвека после появления его наименования, зарождение новой парадигмы в лингвистике становится уже очевидным, поскольку «интерес к языку в последнее время выходит за пределы собственно лингвистических проблем. И это неизбежно, так как понимание языковых механизмов необходимо как для изучения истории, так и для исследования человеческого поведения» [24, с. 264–265].

Важный вклад в становление антропоцентрической парадигмы в языкознании внес французский ученый Э. Бенвенист, автор лингвистической теории субъективности. Субъективности в концепции автора представляет собой «способность говорящего представлять себя в качестве “субъекта”» [2, с. 293] и трактуется как «проявление в человеке фундаментального свойства языка» [Там же, с. 294]. Характеризуя язык, ученый описывал его как «феномен человеческий», «связующее звено жизни психической и жизни общественно-культурной» и заявлял, что на основе этой триады терминов «язык – культура – человеческая личность» могла бы быть создана другая лингвистика [Там же, с. 45]. Иными словами, автор постулировал возможность наличия в лингвистических исследованиях иной, отличной от системно-структурной, парадигмы, характерной чертой которой является то, что, как отмечает Ю.С. Степанов в предисловии к «Общей лингвистике» Э. Бенвениста, «язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка» [Там же, с. 15]. В одном из разделов данной работы, названном «Человек в языке», Э. Бенвенист одним из первых вводит понятия адресата и адресанта как необходимые компоненты коммуникативной лингвистики. «Язык возможен только потому, что каждый говорящий представляет себя в качестве *субъекта*, указывающего на самого себя как на *я* в своей речи. В силу этого *я* конституирует другое лицо, которое, будучи абсолютно внешним по отношению к моему “я”, становится моим эхо, которому я говорю *ты*

и которое мне говорит *ты*. Полярность лиц – вот в чем состоит в языке основное условие, по отношению к которому сам процесс коммуникации, служащий нам отправной точкой, есть всего лишь прагматическое следствие» [Там же, с. 294].

Перенос интересов исследования с объекта на субъект постепенно приводит к тому, что к 60-м гг. XX в. в лингвистике складывается тенденция, заключающаяся «в проникновении “за” язык, в раскрытии сущностных характеристик деятельности человека в целом <...>, в изучении не столько языка, сколько говорящего человека» [17, с. 3]. Поскольку, как отмечает Р.А. Будагов, говорящий человек использует язык по-своему, отлично от других говорящих, то для лингвистов вполне правомерный интерес представляет не только язык, но и говорящие на этом языке. Ученый также акцентирует внимание на том, что без учета человеческого фактора язык получает только одностороннее толкование [6]. Вследствие этого в данный период происходит постепенное размывание границ между гуманитарными науками, в результате чего возникают или получают более глубокое развитие такие междисциплинарные направления исследований, как этнолингвистика, социолингвистика, психолингвистика, прагмалингвистика, лингвистика текста.

Последующие многочисленные теоретические и прикладные исследования, связанные с изучением человеческого фактора в языке, привели к тому, что к 80-м гг. XX в. принцип антропоцентризма прочно входит в науку о языке и «человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений», оказывается прочно «вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели» [16, с. 212]. Таким образом, произошедшее обращение к понятию языковой личности, ставшему интегративным при исследовании человека говорящего, является вполне закономерным.

Впервые после упоминания в работах Й.Л. Вайсгербера и В.В. Виноградова [7, с. 81; 8, с. 61, 91], где понятие языковой личности, как было уже отмечено, не получало какого-либо определения, оно появляется в 1980 г. у Г. И. Богина в книге «Современная лингводидактика» [3]. В данной работе языковая личность трактуется как «тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [Там же, с. 3].

Позже исследователь дополнил первоначальное определение, расширив его тем, что языковая личность готова производить речевые поступки, а также создавать и принимать произведения речи [4].

Взяв за основу главной характеристики языковой личности восприятие и создание текста, Г. И. Богин построил параметрическую модель языковой личности, выделив пять уровней ее развития: 1) уровень правильности; 2) уровень интериоризации; 3) уровень насыщенности; 4) уровень адекватного выбора; 5) уровень адекватного синтеза [4]. Уровни располагаются от низшего к высшему, но не связываются с возрастными особенностями личности. Помимо выделенных пяти уровней развития языковой личности, в модель включаются также виды речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение, письмо) и уровни языка (фонетический, лексический, грамматический).

Однако пристальное внимание исследователей языковая личность привлекла к себе спустя еще некоторое время, после работы Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность», в которой автор дает определение языковой личности, близкое к ее трактовке у Г. И. Богина. По Ю. Н. Караулову, языковая личность понимается как личность, которая существует в языковом пространстве, пользуется вербальными знаками и представляет собой совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов) [15, с. 245]. Данное определение языковой личности в сжатом виде предлагает методологическую основу анализа языковой личности, включающую следующие уровни ее структуры: лексикон (вербально-семантический уровень), тезаурус (когнитивный уровень) и прагматикон (мотивационный уровень) [Там же, с. 51].

Вербально-семантический, или структурно-системный, уровень является базовым, предполагает нормальное владение языком и складывается из словарного запаса языковой личности, используемого ею в процессе коммуникации. Лингвокогнитивный, или тезаурусный, уровень соотносится с интеллектуальной сферой и познавательной деятельностью языковой личности. Мотивационный, или прагматический, уровень связан с ее коммуникативно-деятельностными потребностями.

Термин «языковая личность» быстро и прочно вошел в отечественную науку о языке, а понятие языковой личности стало рассма-

триваться с различных точек зрения и изучаться на основании различных критериев, чему способствовала многозначность компонентов термина. Т. Г. Винокур отмечает, что компоненты словосочетания «языковая личность» указывают, во-первых, на коммуникативно-деятельностную, а во-вторых, на индивидуально-дифференцирующую характеристики данного понятия [9, с. 11]. И.В. Сентенберг также показывает, что термин «языковая личность» полисемичен, что позволяет «рассматривать данный лингвистический концепт в разных аспектах и создать его более или менее целостную картину» [23, с. 14].

Модели языковой личности, разработанные Г.И. Богиним и Ю.Н. Карауловым, в трансформированном, дополненном или синтезированном воедино виде легли в основу различных исследований языковой личности (А.Г. Баранов, А.А. Ворожбитова, О.Л. Каменская, Л.П. Клобукова, В.П. Конецкая, О.Е. Морозова, В.А. Пузырёв, И.В. Сентенберг, И.П. Сусов и др.).

Показательно, что за относительно небольшой срок, являясь объектом и предметом многочисленных исследований, языковая личность настолько широко рассматривалась в отечественной лингвистике, что к середине 1990-х гг. стало возможным выделение отдельной лингвистической дисциплины, обозначенной В.П. Нерознаком как «лингвистическая персонология» [18] и направленной на комплексное изучение личности в языке. По мнению ученого, предметом лингвистической персонологии является «изучение идиолектной личности (языка индивидуума) во всем ее многообразии и полилектной личности (национального языка в пространстве и времени)», а целью – «воссоздание общего и особенного в языке, его лексиконе и в его концептосфере» [Там же, с. 116].

В настоящее время, развивая понятие «языковая личность» и актуализируя тот или иной ее аспект, исследователи обращаются к языковой личности, прежде всего, исходя из форм существования рассматриваемого объекта и тем самым выделяя ведущие направления лингвоперсонологии: изучение языковой личности как индивидуального или как типизируемого образования в динамическом или статическом аспектах.

При исследовании языковой личности как индивидуального образования ученые обращаются к понятию идиолекта, под которым понимается совокупность стилистических и

формальных особенностей, характерных для речи определенного носителя языка. Все речевые элементы, свойственные речи того или иного носителя языка, отбираются, усваиваются и сохраняются им на протяжении всей жизни и не зависят ни от вида речевой деятельности, ни от условий ее протекания [12, с. 43]. Наряду с понятием идиолекта также разрабатывается и понятие идиостиля, т. е. индивидуального стиля определенного автора, присутствующего всем его произведениям.

С позиций данного подхода ученые концентрируют внимание на описании языка и стиля того или иного конкретного человека, известного большинству людей результатами своей деятельности в той или иной сфере, например Ивана Грозного (О.В. Попова), Петра Великого (Н.И. Гайнуллина), Ф.М. Достоевского (Е.М. Залогина), В.В. Виноградова (М.А. Кормилицына), И.М. Хакамады (В.Н. Базылев, А.М. Стрельников), Ф. Дугласа (Е.В. Шустрова) и др. Встречаются также исследования, посвященные изучению фикциональной языковой личности, как, например, Т. Хадсона, главного героя романа Э. Хемингуэя «Острова в океане» (З.А. Кузнецов) и т. п.

Работы о языковой личности как типизируемом образовании строятся на изучении коллективной языковой личности, обобщенном, совокупном образе носителя языка [23, с. 14] и связываются с ее аспектами. Аспекты выделяются в зависимости от конкретной области знания, исходной для построения модели языковой личности. Принимая во внимание разнообразные исследования языковой личности в данном направлении и учитывая интегративный характер лингвоперсонологии, обозначим основные на сегодняшний день подходы к исследованию языковой личности в рамках данного направления.

1. Лингвистический подход, строящийся на отношении личности к языку, вследствие чего в его рамках выделяются и рассматриваются языковые личности, являющиеся носителями родного и иностранного языков, языковые личности-билингвы (с естественным или искусственным билингвизмом), языковые личности, обладающие низким, средним и высоким уровнями языковой компетенции, стандартные (отражающие усредненную литературно обработанную норму языка) и нестандартные (объединяющие разного рода отклонения от нормы) языковые личности и т. п.

2. Социолингвистический подход, основывающийся на выделении типов личностей

по определенным социальным характеристикам: пол, возраст, уровень образования, владение той или иной профессией и т. п. Здесь можно выделить молодую или пожилую языковую личность мужского или женского пола, языковую личность врача, писателя, журналиста, ученого и т. д. Целый ряд исследований, выполненных в рамках данного подхода, посвящен описанию речевого портрета носителя языка с учетом тех или иных социальных групп, например дворянства, чиновников, военных (В.В. Колесов), интеллигенции (Л. П. Крысин), носителей просторечия (В.Д. Черняк), бизнесменов (Т.А. Милехина), «новых русских» (Е. Я. Шмелёва), политиков (Е.В. Осетрова, 1999) и др. В.И. Карасик предлагает также выделение типовых участников общения с учетом сложившихся социальных институтов, на основе которых выделяются виды институционального дискурса [14, с. 226].

Рассматривая языковую личность как участника социальной жизни и коммуникации и делая акцент на том, что личность проявляет себя в своей речевой деятельности и общении с другими личностями, ученые предлагают наряду с термином «языковая личность» использовать также термины «речевая личность» и «коммуникативная личность» (В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, Л.П. Клобукова, В.П. Конечкая, В.В. Красных, О.А. Леонтович, Ю.Е. Прохоров, К.Ф. Седов, Н.И. Формановская и др.). Здесь важно отметить, что иерархические отношения трех данных терминов разными исследователями понимаются по-разному.

3. Психолингвистический подход, который связывается с изучением особенностей порождения и восприятия речи языковой личностью, а также с исследованием онтогенеза языковой личности и ее психологических характеристик через речевое поведение (О.Е. Морозова, К.Ф. Седов и др.).

4. Лингвокультурологический подход, базирующийся на выделении типов языковой личности как носителя той или иной культуры.

С позиций этнокультурной лингвистики в рамках данного подхода выделяются носители базовой и маргинальной культур, которые находятся между собой в оппозиции «свой – чужой» [13, с. 12].

С позиции типа речевой культуры, носителем которой является языковая личность, представляется оправданным выделение языковой личности – носителя элитарной, ди-

алектной, просторечной и другой речевой культуры (Е.В. Иванцова, М.А. Кормилицына, Т.В. Кочеткова, О.Б. Сиротинина и др.).

С позиций социокультурной лингвистики выделяются определенные социокультурные типы, являющиеся модельными личностями [14, с. 227], которые характеризуются тем, что устанавливают ценностные ориентиры поведения в обществе. Модельным личностям либо подражают, либо противопоставляют себя как представителей той лингвокультуры, в рамках которой они выделяются [Там же].

С позиций лингвокультурной типизации личности происходит исследование лингвокультурных типажей, узнаваемых образов представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру общества. Лингвокультурные типажи, выделяемые в рамках какой-то культуры, подразделяются на этнокультурные и социокультурные [Там же]. Этнокультурные типажи выступают обобщенным образом носителя лингвокультуры в целом, в то время как социокультурные типажи являются обобщенными узнаваемыми образами представителей определенного социального класса или группы в рамках этнокультурного сообщества.

К настоящему моменту в центре внимания исследователей уже оказалось порядка ста как этнокультурных, так и социокультурных типажей. И этот ряд пополняется, поскольку лингвокультурное описание языковой личности дает богатую информацию о коммуникативных поведенческих нормах, являющихся значимыми для выявления специфики национального характера.

В рамках данного подхода выделяют также словарную (В.И. Карасик), или этносемантическую (С.Г. Воркачѳв), или лингвокультурную (В.А. Маслова) личность, под которой понимают языковую личность, закрепленную в лексической системе языка как совокупность мировоззренческих установок, поведенческих стереотипов и ценностных приоритетов.

С позиции исследования национального характера проводится изучение национальной языковой личности: русской, американской, английской и др. (Ю.Н. Караулов, А.Д. Летова, Т.Ю. Ма, Ю.Н. Филиппович и др.).

5. Лингвокогнитивный подход, изучающий языковую личность в свете свойственных ей когнитивных структур и процессов, как носителя знаний и представлений, являющихся результатом ее познавательной деятельно-

сти, поскольку «в сферу жизненных интересов когнитивной лингвистики входят “ментальные” основы понимания и продуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания представляются (“репрезентируются”) и участвуют в переработке информации» [11, с. 21].

Если рассмотренные пять подходов являются все же больше лингвистическими с тем или иным «углублением» в смежную область, то следующие два относятся к лингвистике более опосредованно. Тем не менее, признавая интегративный характер лингвоперсонологии, отметим и их.

6. Лингводидактический подход, опирающийся на идею о возможности целенаправленного формирования языковой личности в рамках того или иного педагогического пространства. Способы формирования и развития тех или иных компетенций ложатся в основу многочисленных разработок лингводидактических проблем языковой личности (Н.А. Дерябина, В.А. Козырев, Л.А. Милованова, В.Д. Черняк и др.).

7. Литературоведческий подход, исследующий языковую личность как типы персонажей художественных произведений, противопоставляя тип как обобщенный персонаж характеру как индивидуализированному персонажу (Д. Благой, Н.Д. Тамарченко и др.).

Как показывает проведенный обзор, к настоящему времени лингвоперсонология довольно прочно укрепила среди остальных лингвистических дисциплин и объединила разнообразные многочисленные исследования языковой личности, среди которых постепенно начинает формироваться еще одно направление – исследование языковой личности в коммуникативном пространстве Интернета.

Проводя анализ тематики завершенных за последние четырнадцать лет кандидатских и докторских филологических исследований, согласно каталогу Российской государственной библиотеки (<http://www.rsl.ru>), так или иначе связанных с Интернетом, а также тематики статей, представленных на сайте электронной научной библиотеки (<http://elibrary.ru>) и также связанных с лингвистическими исследованиями Интернета и интернет-коммуникации, можно говорить о том, что только 11,3% от общего числа работ (67 из 592 статей и диссертаций) касаются непосредственно изучения языковой личности в коммуникативном пространстве Интернета и ее особенностей. Подавляю-

щее большинство работ связано в основном с описанием новой лексики, обязанной своим появлением Интернету, а также с лингвистически релевантными особенностями устройства нового коммуникативного пространства.

На наш взгляд, такая ситуация с исследованием языковой личности в Интернете сейчас как бы «повторяет» историю развития подобных изысканий вообще, в «доинтернетную эпоху», когда исследования языка в человеке закладывают основу исследований человека в языке.

Станет ли в дальнейшем исследование языковой личности в коммуникативном пространстве Интернета явлением массовым, покажет время, но уже сейчас можно говорить о том, что в лингвоперсонологии обозначена новая ниша, которая требует заполнения. Поскольку Интернет как новое коммуникативное пространство нивелирует ряд параметров, присущих языковой личности за его пределами, а также вырабатывает ряд черт, нехарактерных для языковой личности вне интернет-дискурса, коммуникативное поведение языковой личности в Интернете будет отличаться от ее коммуникативного поведения в ситуациях непосредственного общения.

Подведем итоги. Хотя первое упоминание языковой личности встречается в работах лингвистов только в начале прошлого века, а определение и массовый исследовательский интерес появляются спустя пятьдесят лет, история становления данного понятия уходит корнями в начало XIX в., когда у ученых появляются первые мысли о том, что язык человека является его неотъемлемой частью и неразрывно связан с жизнью человека в обществе. Постепенная смена вектора в зарождающейся антропоцентрической парадигме с «язык в человеке» на «человек в языке» привела к становлению нового лингвистического направления – лингвоперсонологии, методы и инструментарий которой позволяют в полной мере обратиться к исследованию мотивационного, или прагматического, уровня языковой личности, играющего, по Ю.Н. Караулову, главенствующую роль в иерархии уровней. Включая в себя интересы, цели, мотивы, ценности, намерения, стремления языковой личности, т. е. все то, что находит отражение именно в структуре дискурса, мотивационный уровень становится наиболее значимым при исследовании языковой личности в новых коммуникативных пространствах и открывает для исследователей широкие перспективы.

Список литературы

1. Балли Ш. Язык и жизнь / пер. с фр.; вступ. ст. В.Г. Гака. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2009.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974.
3. Богин Г.И. Современная лингводидактика. Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1980.
4. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984.
5. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. Т. 2.
6. Будагов Р.А. Человек и его язык (Заметки об отношении людей к литературному языку) // Вопросы языкознания. 1970. № 6. С. 3–14.
7. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004.
8. Виноградов В.В. О языке художественной прозы: избр. тр. М.: Наука, 1980.
9. Винокур Т.Г. К характеристике говорящего. Интенция и реакция // Язык и личность: сб. ст. / отв. ред. Д.Н. Шмелёв. М.: Наука, 1989. С. 11–23.
10. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000.
11. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
12. Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010.
13. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
14. Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007.
15. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 4-е, стер. М.: Едиториал УРСС, 2004.
16. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Изд. центр РГГУ, 1995. С. 144–238.
17. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. Изд. 4-е, стер. М.: КомКнига, 2007.
18. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. Моск. лингв. ун-та. М.: Изд-во Моск. лингв. ун-та, 1996. Вып. 426. С. 112–116.
19. Овсяников-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1.
20. Остгоф Г., Бругман К. Предисловие к книге «Морфологические исследования в области ин-

доевропейских языков» // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. Ч. 1. С. 187–198.

21. Пауль Г. Принципы истории языка / пер. с нем.; вступ. ст. С.Д. Кацнельсона. М.: Изд-во иностр. лит., 1960.

22. Потебня А.А. Полное собрание трудов: мысль и язык. М.: Изд-во «Лабиринт», 1999.

23. Сентенберг И.В. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1994. С. 14–24.

24. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Изд. гр. «Прогресс»: Универс, 1993.

25. Штейнталь Г. Грамматика, логика и психология (их принципы и их взаимоотношения) // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. Ч. 1. С. 127–135.

* * *

1. Balli Sh. Jazyk i zhizn' / per. s fr.; vstup. st. V.G. Gaka. Izd. 2-e. M.: Editorial URSS, 2009.

2. Benvenist Je. Obshhaja lingvistika / red., vstup. st. i komment. Ju.S. Stepanova. M.: Progress, 1974.

3. Bogin G.I. Sovremennaja lingvodidaktika. Kalinin: Izd-vo Kalinin. gos. un-ta, 1980.

4. Bogin G.I. Model' jazykovej lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostjam tekstov: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. L., 1984.

5. Bodujen de Kurtenje I.A. Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju: v 2 t. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1963. T. 2.

6. Budagov R.A. Chelovek i ego jazyk (Zametki ob otnoshenii ljudej k literaturnomu jazyku) // Voprosy jazykoznanija. 1970. № 6. S. 3–14.

7. Vajsgerber J. L. Rodnoj jazyk i formirovanie duha / per. s nem. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Editorial URSS, 2004.

8. Vinogradov V.V. O jazyke hudozhestvennoj prozy: izbr. tr. M.: Nauka, 1980.

9. Vinokur T.G. K karakteristike govorjashhego. Intencija i reakcija // Jazyk i lichnost': sb. st. / otv. red. D.N. Shmel'jov. M.: Nauka, 1989. S. 11–23.

10. Gumbol'dt fon V. Izbrannye trudy po jazykoznaniju / per. s nem. M.: OAO IG «Progress», 2000.

11. Dem'jankov V.Z. Kognitivnaja lingvistika kak raznovidnost' interpretirujushhego podhoda // Voprosy jazykoznanija. 1994. № 4. S. 17–33.

12. Ivancova E.V. Lingvopersonologija: osnovy teorii jazykovej lichnosti. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2010.

13. Karasik V.I. Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002.

14. Karasik V.I. Jazykovye kljuchi. Volgograd: Paradigma, 2007.

15. Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. Izd. 4-e, ster. M.: Editorial URSS, 2004.

16. Kubrjakova E.S. Jevoljucija lingvisticheskijh idej vo vtoroj polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) // Jazyk i nauka konca XX veka / pod red. Ju.S. Stepanova. M.: Izd. centr RGGU, 1995. S. 144–238.

17. Leont'ev A.A. Jazyk, rech', rechevaja dejatel'nost'. Izd. 4-e, ster. M.: KomKniga, 2007.

18. Neroznak V.P. Lingvisticheskaja personologija: k opredeleniju statusa discipliny // Jazyk. Pojetika. Perevod: sb. nauch. tr. Mosk. lingv. un-ta. M.: Izd-vo Mosk. lingv. un-ta, 1996. Vyp. 426. S. 112–116.

19. Ovsjanikov-Kulikovskij D.N. Literaturno-kriticheskie raboty: v 2 t. M.: Hudozh. lit., 1989. T. 1.

20. Ostgof G., Brugman K. Predislovie k knige «Morfologicheskie issledovanija v oblasti indoevropskijh jazykov» // Звегинцев В.А. Istorija jazykoznanija XIX – XX vekov v ocherkah i izvlechenijah. M.: Prosveshhenie, 1964. Ch. 1. S. 187–198.

21. Paul' G. Principy istorii jazyka / per. s nem.; vstup. st. S.D. Kacnel'sona. M.: Izd-vo inostr. lit., 1960.

22. Potebnja A.A. Polnoe sobranie trudov: mysl' i jazyk. M.: Izd-vo «Lабиринт», 1999.

23. Sentenberg I.V. Jazykovaja lichnost' v kommunikativno-dejatel'nostnom aspekte // Jazykovaja lichnost': problemy znachenija i smysla: sb. nauch. tr. Volgograd: Peremena, 1994. S. 14–24.

24. Sepir Je. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kulturologii. M.: Izd. gr. «Progress»: Univers, 1993.

25. Shtejntal' G. Grammatika, logika i psihologija (ih principy i ih vzaimootnoshenija) // Звегинцев В.А. Istorija jazykoznanija XIX – XX vekov v ocherkah i izvlechenijah. M.: Prosveshhenie, 1964. Ch. 1. S. 127–135.

Development of the notion “language personality”: from “language in a person” to “a person in language”

The article deals with the development of the notion “language personality”: from the first attempts of researchers to understand a language as an integral part of a person until the formation of linguistic personality study as a linguistic discipline aimed at the study of a personality in language. The modern approaches to the study of linguistic identity are analyzed, and the prospects of research of the phenomenon in the communicative space of the Internet are described.

Key words: anthropocentric paradigm, language personality, linguistic personality study, communicative space of the Internet.

(Статья поступила в редакцию 28.11.2016)